

А. В. Кузьмин¹

НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО И СУВЕРЕНИТЕТ КАК СФЕРА ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ РИСКОВ

Сегодня глобализация выступает одним из неотъемлемых факторов развития человеческого общества. Чаще всего глобализацию понимают как «процесс формирования единого общемирового экономико-информационного пространства на основе внедрения новых технологий, характеризуемый возрастанием удельной доли доходов от торговых операций в общем объеме произведенной продукции и приводящий к ослаблению влияния институтов государства и укреплению власти транснациональных образований»². Безусловно, приведенное определение само по себе может быть подвержено критическому анализу, однако, отказавшись от излишнего теоретизирования, акцентируем внимание на аспектах социально-правовой значимости этого фундаментального понятия.

Конечно, признание за глобализационными процессами исключительно позитивного значения применительно к национальным системам (экономической, социальной, политической, правовой и т. п.) невозможно³. Это во многом обусловлено объективными противоречиями глобального и национального, и это вполне логично, поскольку сложившаяся система мироустройства, выражаясь в единстве суверенного и наднационального, ставит перед государством выбор национального или наднационального в качестве основания собственной суверенной государственности.

В отношении правовой системы противоречие такого рода находит выражение в конструкции суверени-

тета как признака государства. Нет сомнения, что теория государственного суверенитета, и тем более практика его реализации подвергаются воздействию глобализационных процессов. Спектр научных точек зрения здесь весьма широк — от признания за суверенитетом качества абсолюта до допустимости существования государства без суверенитета вообще. При этом концепция абсолютного суверенитета представляется противоречащей основам международного права, а концепция ограниченного суверенитета фактически делает бессмысленными претензии государства на уникальность национального законодательства.

В данном контексте, как представляется, наиболее продуктивной выглядит концепция эластичного суверенитета. Прежде всего здесь естественно предположить, что суверенитет всегда ограничен какими-либо внутренними или внешними факторами. Суть этой концепции заключается в том, что государство, суверенное в своей основе, может передавать свой суверенитет, включая конституирование базовых ценностей. При этом государство устанавливает усложненную процедуру согласия на изъятие собственного суверенитета и упрощенную — на восстановление. Конечно, фактически невозможно найти грань, отделяющую ту часть суверенитета, которая передана в наднациональный орган, от той части, что остается у государства — участника международной организации. И контроль над ключевыми институтами механизма государства (армия и правоохранительные органы), выступающими также в качестве акторов политической системы, позволяет либо государству восстановить свой суверенитет в полном объеме, либо наднациональному образованию этот суверенитет не возвращать. Современная геополитическая ситуация складывается таким образом, что именно концепция эластичного суверенитета наиболее адекватно встраивает суверенитет в систему признаков государства. При этом наличие в структуре суверенитета возможности возврата (восстановления) переданных полномочий является определяющей.

С теоретической конструкцией эластичного суверенитета тесно взаимосвязана и практика межгосударственного взаимодействия в рамках международных организаций. Так, формально-юридически для создания единого экономического и политического пространства с сохранением суверенитета государств

¹ Заведующий кафедрой теории и истории государства и права Балтийского гуманитарного института (Санкт-Петербург), кандидат юридических наук, доцент. Автор более 150 научных и учебно-методических публикаций, в т. ч.: «Теоретико-правовые и отраслевые основы механизма правосознания», «Юридическая деятельность: проблемы единства позитивистского и естественно-правового начал», «Формирование права: нематериальные факторы» и др. Главный редактор научно-практического журнала «Theory and practice of the restoration of rights» («Теория и практика правосознания»), организатор ежегодного круглого стола «Евразийский Союз: территория права».

² См., например: *Баранник А., Вознюк И.* Глобализация как основа формирования глобальных рисков международной и национальной безопасности // *Зарубежное военное обозрение.* 2008. № 4. С. 4.

³ Конечно, нельзя отрицать, что в идеале глобализация может сказаться весьма позитивно на гуманизации правовой системы. Однако на практике это наблюдается далеко не всегда. Так, с молчаливого согласия мирового сообщества в Саудовской Аравии, да и в других вполне развитых государствах до сих пор существует практика унижающих человеческое достоинство наказаний.

участников, существует единственный путь: необходимо реализовать на практике концепцию «эластичного суверенитета».

Теоретическое обоснование концепции эластичного суверенитета приводит нас к необходимости ее практического использования для определения объема и содержания собственных суверенных возможностей каждого государства не только в отдельности, но и в качестве участника межгосударственной организации. Вопрос о характере суверенитета межгосударственных образований лежит, по сути, в плоскости как математических моделей, так и социально-политических механизмов взаимодействия. Главный вопрос — является ли суверенность межгосударственного образования сопоставимой с суверенитетом государства и выступает ли она суммой или средним арифметическим суверенитета его участников либо определяется фактором приоритетного (наиболее «сильного») суверенитета. Здесь можно говорить об обособлении: а) международных организаций, обеспечивающих общий баланс интересов государств-участников и, как следствие, их мирное сосуществование (ООН с ее ключевым органом — Советом Безопасности); б) военно-политических союзов, суверенитет которых обеспечивается государством, обладающим наиболее широким объемом суверенности (НАТО с США как ее системообразующим участником); в) политико-экономических объединений, где суверенность организации определяется достаточно сложно: прежде всего суммой переданных полномочий в экономических отношениях и максимальным объемом суверенитета участников — в политических (Европейский Союз); г) экономических союзов, где речь идет о простой сумме суверенных полномочий, переданных участниками для реализации от имени соответствующего объединения (ЕАЭС).

Именно функциональность суверенитета является объектом атак на него со стороны глобализационных информационных потоков. А учитывая, что информация здесь носит правовой характер и включает элементы нормативов государственного и надгосударственного принуждения с правовыми инструментами их реализации, к глобализации права и правоприменения необходимо относиться критически. Прежде всего исходя из того, что участие в глобализационных процессах не только предполагает возможности национального развития, но и включает определенные риски.

Так, к числу глобализационных относятся следующие риски.

1. Риск утраты государственного суверенитета. Это наиболее острая форма выражения отрицательного влияния глобализационных процессов, которая выражается прежде всего в безусловной имплементации норм международного права в национальное законодательство. Так, признание верховенства норм международного права может означать приоритет не только ратифицированных международных договоров (то есть тех норм, которые проходят законодательский контроль), но и актов международных организаций. Эти акты в силу факта своего принятия могут получить приоритет над национальным законодательством вне ратификационной процедуры.

Отметим, что чаще всего полная утрата суверенитета легализуется через формально законное и самостоятельное, а фактически — ортодоксально-упорное и логически слабообъяснимое следование воле иностранного государства или международной организации. При этом фактическая утрата суверенитета может сопровождаться его формальным укреплением. Наиболее характерный пример — продление «без обсуждения» санкций Евросоюза в отношении российских граждан и юридических лиц. При этом некоторые государства заявляли о необходимости такого обсуждения¹, но в итоге главы МВД и Минюстов государств Евросоюза одобрили решение о продлении санкций без обсуждения, а Совет ЕС такое решение закрепил².

2. Риск утраты национальной идентичности и связанной с ней уникальности национального права. Это связано с формированием общего миропорядка, предполагающего использование «общепризнанных» стандартов, в частности вытекающих из Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, а также решений Европейского суда по правам человека. С помощью элементов стандартизированного подхода государствам не только навязываются нормативные правила обеспечения прав человека, но и даются интерпретационные указания, как эти правила должны применяться в национальных судах. Фактически речь идет о мягком общеправовом воздействии на внутреннее законодательство и, что для некоторых государств является существенным обстоятельством, предполагаемой серьезной нагрузке на государственный бюджет.

Причем воздействие этих «мягкоправовых» факторов в качестве конечной цели не только и не столько предполагает реальное повышение уровня гуманизации законодательства и правоприменительной практики, но главным образом инструментально выражает стремление глобального актора осуществить универсализацию внутреннего законодательства, связанного с отказом государства от национальных правовых (и связанных с ними религиозных и нравственных) институтов.

3. Риск утраты законодательских техник и правоприменительных практик, присущих национальному законодательству. В условиях наличия универсальных норм фактически становится лишней практика юридических экспертных оценок качества внутреннего законодательства, а в отдельных случаях это вообще может привести к конфликту оценки юридической силы внутреннего законодательства и норм международного права. При этом позиция экспертов международных организаций априори будет считаться приоритетной по отношению к позициям национальных экспертов. Примером такого подхода может служить Заключение Венецианской комиссии (Европейская комиссия за демократию через право) от 21 марта 2014 года по вопросу соответствия решения о проведении референду-

¹ См., например: Кузнецов А. Италия заблокировала автоматическое продление санкций против России (9 декабря 2015 г.) // Сайт РосБизнесКонсалтинг. URL: <http://www.rbc.ru/politics/09/12/2015/5668465d9a7947ff5a7978cb> (дата обращения: 23.03.2016).

² См.: Смирнов С. Евросоюз продлил санкции против России (21 декабря 2015 г.) // Ведомости. 2015. 21 дек. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2015/12/21/621894-evrosyuz-sanktsii> (дата обращения: 23.03.2016).

ма, принятого Верховным Советом Крыма, Конституции Украины¹. по логике такого заключения, все иные интерпретации процедуры суверенизации региона являются как минимум неправильными. Вместе с тем на контраргументацию в процессе экспертной обработки указанного заключения указывала Т. Я. Хабриева². Однако решение, демонстрирующее явно политизированный характер, было принято без учета этих аргументов.

Таким образом, подводя итог обзору актуальных проблем глобализационных рисков в контексте эластичного суверенитета, можно сделать следующие выводы.

1. Признание за глобализационными процессами исключительно позитивного значения применительно

к национальным системам (экономической, социальной, политической, правовой и т. п.) невозможно.

2. Теория государственного суверенитета и, тем более, практика его реализации подвергаются воздействию глобализационных процессов.

3. Участие в глобализационных процессах не только предполагает возможности национального развития, но и включает определенные риски.

4. К числу глобализационных рисков относятся: а) риск утраты государственного суверенитета; б) риск утраты национальной идентичности и связанной с ней уникальности национального права; в) риск утраты законотворческих техник и правоприменительных практик, присущих национальному законодательству.

¹ См.: CDL-AD(2014)002-e Opinion on “whether the decision taken by the Supreme Council of the Autonomous Republic of Crimea in Ukraine to organise a referendum on becoming a constituent territory of the Russian Federation or restoring Crimea’s 19 92 constitution is compatible with constitutional principles” adopted by the Venice Commission at its 98th Plenary Session (Venice, 21–22 March 2014) // Official site of the Council of Europe. URL: <http://www.venice.coe.int/webforms/documents/?pdf=CDL-AD%282014%29002-e> (дата обращения: 23.03.2016).

² См.: Трудности перевода. Как европейская комиссия приняла решение по крымскому референдуму // Российская газета. 2014. 18 апр. № 6360 (88).